Статьи. Исследования

Полина Врублевская

Порядок смысловой системы православия на примере ритуала венчания

В статье рассматриваются отношения ритуала и смысловой системы православия. Эмпирическое исследование показало, что нарушение ритуала венчания представляет угрозу его смысловой упорядоченности. Источником нарушений служит расхождение между религиозными нормами и представлениями исполнителей ритуала. В тексте освещаются механизмы выявления, борьбы и устранения данной угрозы, используемые институтом церкви.

Ключевые слова: религиозный ритуал, ритуальный порядок, символическая референция, верования, православные нормы, доктринальная и операциональная эффективность

Введение

Настоящая статья посвящена изучению ритуала, рассмотренному на примере русской православной церкви (далее — РПЦ). В качестве отправной точки выбрано определение Виктора Тернера, описавшего ритуал как стереотипную «последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» (Тернер 1983: 32). Эта перспектива позволяет

Врублевская Полина Викторовна — социолог (социологический факультет НИУ ВШЭ), магистрант факультета социальных наук программы «Социология» МВШСЭН. Научные интересы: теория ритуала, социология религии.

Работа выполнена по эмпирическим материалам двадцати нарративных интервью с людьми обоих полов возраста 19–52 лет, прошедшими через обряд церковного бракосочетания на территории России после 1991 года.

выявить в венчании два аспекта: результат совместного решения супругов и комплекс элементов православия.

Супруги являются исполнителями ритуала венчания, который должен реализовать их цели и интересы. РПЦ предоставляет средства ритуала; последовательность действий, жестов, слов и место исполнения заданы смысловой системой православия. Внутри нее значение обряда, его цель и следствия четко определены. Реализуя ритуальную практику, церковь репрезентирует, в терминах Эмиля Дюркгейма, религиозные верования. Соотнесение обрядных действий с верованиями делает возможным символическую референцию ритуала венчания, которая отражает религиозные нормы ритуала. Однако здесь возникает вопрос: справедливо ли утверждать, что исполнители ритуала стремятся реализовать смыслы, заложенные в православной вере? Если цели и интересы венчающихся являются неотъемлемой частью обряда, как следует из определения Тернера, то невозможно ограничиться констатацией расхождения представлений венчающихся и религиозных норм. Необходимо исследовать, какое значение вкладывают в ритуал его исполнители.

Нарушение ритуального порядка

Теория символизма Уильяма Уорнера (Уорнер 2000) приписывает исполнителям ритуала ведущую роль. Исследователь указывает, что религия не обладает монополией на определение значения обряда. Следовательно, если значение ритуала можно поместить в любую смысловую систему, то символическая референция обрядных действий определяется ситуативно в соответствии с релевантной для исполнителей смысловой системой. Поскольку обрядовая форма остается неизменной, возникает вопрос о диапазоне допустимых значений внутри различных смысловых систем, к которым способна реферировать формализованная ритуальная практика. Иными словами, важно определить, теряется ли в ритуале связь между представлениями исполнителей и религиозно обусловленными обрядными действиями.

Уильям Робертсон Смит первым обратил внимание на расплывчатость значения ритуала: «Как правило, мы находим, что если обряды были строго установлены, то значение, предписываемое им, было чрезвычайно расплывчатым, и один и тот же ритуал объяснялся различными людьми по-разному, при этом не возникало никакого вопроса о правоверности или ереси» (Робертсон Смит 1996, 1: 318).

Из этого наблюдения следует, что диапазон символических референций ритуала может быть сколь угодно велик именно благода-

ря строгости обряда. Строгость ритуальной практики может быть объяснена, с одной стороны, формализацией обрядных действий, а с другой — их обязательностью к исполнению. Когда ритуальная практика строго установлена в обоих смыслах, диапазон приписываемых значений и символических референций практически безграничен; различия в представлениях о значении ритуала, как и сами представления, не важны. Такой взгляд, в целом, расходится с позицией Уорнера, но, что важно, имеет с ним общую посылку: ни одно значение ритуала не является исходным (или истинным), а значит, обозначенное выше нарушение порядка не может иметь места.

В случае православного венчания дело обстоит иначе. Хотя его ритуальная практика формализована институтом церкви, сама она не является строго установленной: в настоящее время церковное бракосочетание инициируется супружеской парой, т. е. является добровольным выбором исполнителей. Свобода выбора значительно уменьшает вероятность размытия значения ритуала, поскольку принятие решения об исполнении обряда сопряжено с соотнесением собственных интересов и целей со средствами ритуала, предложенными РПЦ. Это означает, что исполнители имеют предварительные представления о смысле венчания, источником которых в том числе служат верования, транслируемые церковным институтом. Этот факт позволяет провести различения между исполнителями и не-исполнителями ритуала венчания (при прочих равных характеристиках). Прежде всего, можно сказать, что ни интересы, ни цели последних не соотносятся с ритуалом, в то время как первым исполнение ритуала, по их представлениям, может обеспечить достижение целей и удовлетворение интересов. Это различение приводит к тому, что представления исполнителей соотносятся с религиозной смысловой системой, в то время как представления не-исполнителей расходятся с ней. Соответственно, ритуал как элемент системы религиозных смыслов ограничивает свободу представлений исполнителей: предписания обрядных действий не дают возможности самостоятельно выбирать объект символической референции; религиозное значение обряда должно быть усвоено исполнителями как единственно верное. Таким образом, несоответствие между религиозным значением ритуала венчания и представлениями его исполнителей препятствует достижению их целей и удовлетворению их интересов, разрушая ритуальный порядок. Последствия разрушения ритуального порядка нежелательны для обеих сторон, но в рамках настоящей статьи мы исследуем ситуацию только в перспективе смысловой системы православия.

Представления исполнителей о смысле ритуала венчания, являясь искажениями его религиозного значения, могут выпадать

из религиозной смысловой системы, оставаясь связанными с ее элементом — ритуалом венчания. Рассмотрим, каким образом искаженные представления о венчании вступают в противоречие с религиозным значением, какую угрозу они представляют порядку смысловой системы православия и как церковный институт ей противостоит.

Религиозное значение ритуала венчания

Религиозное значение ритуала венчания строится на представлении о сакральности брачного союза. Целью ритуала является получение божественного благословения для изменения статуса отношений исполнителей. Статусный переход подразумевает, что с момента исполнения ритуала брачный союз должен соответствовать ценностно-нормативной системе православия. Прохождение обряда свидетельствует о готовности супругов действовать в соответствии с православными представлениями о правилах семейной жизни. Личная вовлеченность венчающихся в ритуальной практике заключается в том, что супруги дают обет верности друг другу. Идея верности и единства супругов репрезентируется через символическую референцию к становлению «единой плотью» (Мф. 19; 1 Кор. 5) и, на уровне обрядных действий, через круговое хождение[1]. Метафора «единой плоти» распространяется за пределы обряда и позволяет осмыслить репрезентированные в нем верования:

«Если кто-то из супругов изменяет друг другу, почему это страшно? Потому что это разрывается живая плоть. Нельзя этого делать. <...> Если изменил вот кто-то, то это *очень* болезненно, это все равно, что вот отрывать от живого тела куски мяса» (интервью №6).

Хотя исполнители ритуала не могут отменить божественного благословления, они могут лишить церковный брак действенности, нарушив обет верности. Нарушением обета является как сексуальная измена, так и выраженное желания развестись (Мф. 5, 19). Оба действия расцениваются как грехи, потому что противоречат религиозным нормам (Мк. 10). В этих противоречиях проявляется

1 По материалам включенного наблюдения 8.02.13 в церкви г. Москвы: Священник белым платком связывает правые руки мужчины и женщины, на которых надеты обручальные кольца, и, трижды обводит венчающихся вокруг аналоя, перед собой держа распятие. Другие священнослужители идут впереди с венчальными свечами. За супругами следуют свидетели обряда из числа близких — мужчина и женщина, придерживающие над головами супругов *венцы* (иногда венцы надеты на головы, и свидетели не участвуют в круговом хождении).

несоответствие представлений венчающихся религиозному значению ритуала.

Искажение значения ритуала венчания

Изначально безгреховное расторжение брачного союза было возможно только в случае смерти одного из супругов через повторное вступление в брак вдовцом/вдовой, «чтобы не разжигаться страстью блуда» (1 Кор. 7). После 1918 года для супругов, невиновных в расторжении первого брачного союза, РПЦ[1] утвердила дополнительные причины для получения благословления на повторный брак. В этих случаях прошение о разводе не является нарушением обета, а грех развода ложится на виновного супруга. Для невиновного супруга развод не существует ни символически — как грех, ни физически — как некоторая процедура. Таким образом, церковный брак считается прерванным либо в результате «разрыва единой плоти», либо — по решению РПЦ.

Ошибочное восприятие церковного развода актуализируется в начале XX века, когда церковное бракосочетание перестает быть основным и единственным институтом узаконивания супружеских отношений. Брачная регистрация в государственных органах записи акта гражданского состояния (ЗАГС)[2] порождает понятие «гражданского брака», узаконенного светскими органами. С этого времени церковный брак оказывается подчиненным гражданскому, т. к. обязательным условием венчания является подтверждение законности брака на государственном уровне. Тем не менее, вопросы расторжения и повторного заключения каждого из этих видов супружеских отношений решаются независимо — органами ЗАГС

1 Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью». 7 (20) апреля 1918г; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «О дополнении соборного определения „О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью“». 20 августа (2 сентября) 1918 г.; «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», 2000. (Юбилейный Архиерейский собор).

2 18 декабря 1917 года был принят декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», уничтоживший старый порядок брачно-семейных отношений, провозгласив равенство между мужчиной и женщиной. После принятия декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви стала формироваться новая ведомственная структура государственного управления — отделы записи актов гражданского состояния. Нормативные акты по вопросам деятельности отделов ЗАГС принимались Наркоматом юстиции, наркоматом внутренних дел, Главархивом и др.

и РПЦ. Смешение значений гражданского и церковного брака, укоренившееся в социальном контексте советской России, выливается в приписывание церковному браку качеств гражданского и, в частности, развитию представления об обратимости ритуала венчания по аналогии с обратимостью государственной брачной регистрации.

Миф о «развенчании» как об обряде, отменяющем действие божественного благословления супружеских отношений, представляет собой искажение значения венчания. Вплетение этого мифа в ткань представлений исполнителей не является проблематичным, пока он распознается как чуждый смысловой системе православия элемент: «я лично знаю много людей, которые венчались, потом развенчивались, так скажем, да, *образно*» (интервью №6).

Искажение восприятия венчания исполнителями становится угрозой для порядка религиозной смысловой системы, когда обвенчанные обращаются к священнослужителю с желанием «развенчаться». Если исполнители допускают такую возможность, то они не усвоили религиозное значение ритуала и не ориентируются в системе религиозных смыслов: «...к батюшке подхожу, говорю: „мы хотим развестись, как нам развенчаться?“, а он мне почему-то тогда сказал: «такого обряда нет» (интервью №15).

В представлениях исполнителей, включающих «развенчание» в смысловую систему религии, этот миф приравнивается к религиозным нормам. При этом в большей мере он связан не с нарушением обета верности, грехом прелюбодеяния или расторжением сакрального брачного союза — элементами смысловой системы православия, а является мифической копией гражданского бракоразводного процесса. Вопреки тому, что РПЦ действует по аналогии с ЗАГС (организует принятие заявлений на развод через епархиальное управление и, после их рассмотрения, выносит решение в письменном виде с заверением священнослужителей), церковный развод не является антиподом венчания и носит лишь символический, а не юридический характер.

Посредством искажения значений ритуала миф о «развенчании» вторгается в религиозную смысловую систему, а ценностно-нормативная система церковного брака наполняется нормами, свойственными гражданскому союзу. Поскольку нарушения порядка привносят в смысловую систему православия противоречия, церковь непрерывно вынуждена устранять подобные угрозы. Когда институт РПЦ сталкивается с мифом о «развенчании» в представлениях обвенчанных, желающих «развенчаться», обе стороны находятся в затруднительном положении. Церковь, с одной стороны, должна восстановить порядок системы смыслов, корректируя представления обвенчанных. С другой стороны, сами исполнители должны переопределить значение венчания в своих представлениях, как

минимум, с поправкой на невозможность отмены ритуала. Это значит, что решение о судьбе освященного церковью союза может быть принято только после соотнесения представлений исполнителей со смысловой системой православия. Однако такой сценарий свидетельствует о допущенном ранее нарушении порядка в ритуале: представления исполнителей находились в несоответствии с религиозной смысловой системой. Восстанавливать порядок в смысловой системе православия post factum гораздо сложнее, нежели поддерживать его в ритуале.

Поддержание ритуального порядка венчания

Ритуал венчания сопровождается комплексом мероприятий, призванных устранить несоответствия между представлениями исполнителей обряда и его религиозным значением. Мероприятия содержат механизмы, направленные на усвоение религиозного смысла ритуала. Процесс усвоения организован через предоставление доступа к знаниям, а так же прямую и опосредованную трансляцию конституирующих обряд религиозных верований.

Смысл первого этапа, т. е. встреч со священником, заключается в отсеивании подходящих/не подходящих претендентов, в том числе[1], по соответствию их представлений религиозным нормам. Следовательно, церковный служитель должен быть компетентен в оценке представлений претендентов о венчании, мочь внести необходимые корректировки или, если расхождения с религиозными нормами значительны, запретить исполнение ритуала с объяснением, при каких условиях можно получить разрешение в будущем. Механизм первого этапа не срабатывает в двух случаях: если разрешение на венчание получают не сами исполнители, а их поручители, которым доверяет священник; если священник встает на место венчающихся, принимая решение вместо них, а не, как должен, «о них». Таким образом, ни доверие, ни авторитет церковного служителя, который не берет во внимание представления потенциальных исполнителей, не гарантируют усвоения исполнителями религиозного значения ритуала, а значит, не уберегают систему православия от риска угроз в дальнейшем.

«Нам тогда сказал батюшка: „вам надо венчаться“, и я это приняла на веру; не задавала вопросов, почему и зачем мне это надо. Раз батюшка сказал — мы пошли и мы венчались» (интервью №15).

Иными словами, перед венчанием церковь старается возместить недостаток религиозных знаний потенциальных исполнителей

1 Существует ряд формальных ограничений на вступление в церковный брак, которые в настоящем рассуждении не рассматриваются.

обряда через собеседования, тем самым увеличивая вероятность усвоения ими религиозного значения ритуала. Особенно актуальны эти механизмы в настоящем социальном контексте, учитывая, что в семейном опыте многих венчающихся религиозный и обрядовый опыт полностью отсутствуют (по материалам интервью № 4, 6, 8, 13, 16, 17). Однако, будучи необязательными, механизмы трансляции знаний срабатывают только по инициативе исполнителей:

«Р: Осознанный подход к обряду — это насколько возможно нужно знать суть.

И: А как можно знать суть?

Р: Через собеседования, как еще. Ходить разговаривать с батюшкой» (интервью №17).

Следующий этап, т. е. подготовка к венчанию, включает в себя три элемента: говение (пост), исповедь, причастие. Исходя из соответствия представлений исполнителей религиозным нормам, священник может регулировать работу механизмов: назначать более длительный пост, повторную исповедь и т. д. Рост личной вовлеченности исполнителей на этом этапе и постоянное взаимодействие с церковью необходимы для гарантии соотнесения их представлений о значении и цели венчания — с религиозными. Сбой механизмов случается при низкой личной вовлеченности (например, каждый обряд сопровождается регулярными молитвенными практиками, которым исполнители могут уделять недостаточно внимания); или же при недостатке взаимодействий с церковью, что отражается в неудаче приобщения исполнителей к религиозной смысловой системе: «Там еще же поститься надо перед этим. Исповедоваться, перед исповедью — поститься. У нас не было исповеди. У нас был пост. Недолгий. Я так и не понял, что я конкретно должен делать в этот пост, что не должен» (интервью №10).

Ни один механизм предварительного обрядного комплекса венчания не работает, когда супруги договариваются о проведении обряда через посредников, не являясь в церковь перед проведением ритуала. Даже в случае успешного функционирования указанных механизмов, усвоение религиозного значения венчания не всегда означает принятие религиозных верований, конституирующих обряд и репрезентируемых в ритуале. Можно сказать, эти механизмы составляют лишь часть процесса усвоения религиозных норм. Целиком этот процесс может быть назван воцерковлением.

Порядок религиозных верований

Уильям Джемс замечает: «Те, для кого Бог или Долг являются пустыми словами, могут превратить их в нечто гораздо более значимое, если ежедневно станут жертвовать чем-то ради них» (James 1890: 333). Это утверждение указывает на связь опыта с отношением к объекту, и,

более того, с развитием этого отношения от сомнения или неверия до веры. Объекты опыта различны по силе воздействия на чувства и разум, причем эта сила зависит от воспринимающего субъекта. Таким образом, индивидуальный чувственный практический опыт является источником объектов мышления (идей), отношение к которым может меняться через увеличение/уменьшение числа контактов с соотнесенных с этими идеями объектов реального мира. Развитие отношения к объекту мышления в сторону утверждения веры в его реальность или, напротив, неверия требует приращения практического опыта. Сомнения могут преобразоваться в верование через усиление интенсивности чувственных восприятий. При этом, отмечает Джемс, увеличение чувственных контактов с определенным объектом может являться волевым актом, направленным на формирование практического опыта. Это означает, что инициирование интенсивных, регулярных отношений в плане практики может утвердить веру в соответствующие идеи.

Можно сказать, что несоответствие представлений исполнителей венчания православным нормам заключается в недостаточной интенсивности взаимодействия с объектами, чувственные переживания которых могут утвердить веру в религиозные идеи. Допуская, что установить отношение веры к двум противоречащим друг другу объектам мышления невозможно (James 1890: 291), принятие на веру религиозных идей будет означать установление соответствие представлений религиозной смысловой системе. Следовательно, проблема поддержания порядка смысловой системы православия может быть частично разрешена приращением опыта чувственных восприятий, позволяющих исполнителям ритуалов установить отношение веры к религиозным идеям.

В практическом плане для этой цели наилучшим образом подходят религиозные практики, под которыми принято понимать непосредственно обряды. Так, Энн Роулз замечает, что ритуальные практики «должны вызывать „реальные“, всеми разделяемые, переживания» (Роулз 2005: 5), а Уильям Робертсон Смит констатирует, что церемонии «служили для возбуждения воображения и поддержания интереса у верующего» (Робертсон Смит 1996: 319).

В православии, однако, ритуалы являются лишь одной из разновидностей религиозных практик. Иной, интенсивный, опыт взаимодействия с объектами, связанными с религиозными идеями, может быть получен в процессе воцерковления. Под воцерковлением следует понимать волевой процесс усвоения религиозных норм через познание православной догматики и приобщение к церковным практикам. В процессе воцерковления человек принимает православный образ жизни, следуя церковным обрядам

и соответствуя нормативно-ценностной системе православия. Начало процесса воцерковления сугубо индивидуально, но в его протекании, основываясь на данных эмпирического исследования, можно выделить два этапа: ранний и зрелый.

На раннем этапе происходит активное осознание веры в Бога, поиск подтверждений и рост убежденности в его существовании. Здесь характерен фрагментарный, нестабильный опыт включения в религиозные практики, малый объем знаний догматики и избирательное принятие аспектов православного образа жизни (посещение церкви и не участие в таинствах; соблюдение одного из пяти постов и проч.). Можно сказать, что весь наличный практический религиозный опыт направлен на утверждение отношения к Богу и на уточнение личной связи с ним. На зрелом этапе вера в Бога вытесняет нерелигиозные верования и не проблематизируется, т. е. аксиоматична. Подразумевается не только соответствие верующего православной ценностно-нормативной системе во всех сферах жизни, но и его способность к трансляции православных норм и ценностей. Принятие православного образа жизни выражается через участие в обрядах (таинствах), стремление к увеличению объема знаний догматики (чтение православной литературы, посещение приходских собраний, беседы со священнослужителями и проч.).

Заключение

Целью этой статьи было показать на примере ритуала венчания, что нарушение обрядового порядка, происходящее по причине расхождения ожиданий исполнителей и требований РПЦ, представляет угрозу смысловому порядку православия. Искажения религиозного значения ритуала, бытующие в представлениях исполнителей, post factum проявляются в противоречивых для религии формах (миф о «развенчании»). В результате церковь вынуждена восстанавливать исходное значение обряда в представлениях его исполнителей, чтобы сохранить порядок своей системы смыслов. Для этого церковный институт использует механизмы усвоения религиозного значения ритуала, которые, все же, недостаточно действенны. Единственной гарантией поддержания порядка смысловой системы православия является религиозность исполнителей ритуала, которая гарантирует соответствие представлений венчающихся верованиям, репрезентируемым в ритуале. Используя удачные термины Салли Мур (Meyerhoff 1977: 12), можно сказать, что доктринальная и операциональная эффективности ритуала должны совпасть. Это означает, что венчание должно учреждать церковный брак, соответствующий смысловой системе православия (доктринальная эффективность), и в то же время, удовлетворять личные интересы супругов и позво-

лять им достичь индивидуальных целей исполнения ритуала (операциональная эффективность). Отсюда следует, что соответствия между интересами, целями исполнителей и религиозным значением ритуала венчания недостаточно: представления исполнителей в целом не должны содержать в себе элементы (идеи или опыт), противоречащие православным нормам.

Процесс, продуктом которого является религиозность, особенно значим для поддержания порядка религиозной смысловой системы. Таким образом, воцерковление, представляя собой волевое принятие исполнителями (или претендентами) православных норм через стабильный практический опыт, является социализацией особого типа, обуславливающей существование религиозной смысловой системы.

Библиография

1. *Геннеп А., ванн Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов/Пер. с франц. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.*
2. *Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу/Пер. с англ. Р. Громовой под редакцией С. Баньковской; вст. ст. и комм. С. Баньковской. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.*
3. *Новый завет URL: [http://biblia.org.ua/bibliya/kor1.html] Проверено 05.11.2013.*
4. *Робертсон Смит У. Лекции о религии семитов. Антология. Т. 1/Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. — М.: Канон+, 1996.*
5. *Роулз Э. Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума. Перевод Корбут А. Социологическое обозрение Том 4. № 1. 2005*
6. *Тэрнер В. Символ и ритуал. Сост. В. А. Бейлис и автор предисл. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.*
7. *Уорнер Л. Живые и мертвые. М. — СПб.: Университетская книга, 2000.*
8. *James W. The Principles of Psychology. Ch. XXI. 1890.*
9. *Meyerhoff B. G., S. F. Moor. Secular Ritual. Van Gorcum & Comp. B. V., 1977.*
10. *Pickering W. S. F. What do representations represent? The issue of reality // Durkheim and Representations. Routledge, 2000. pp. 98–117*

Респонденты:

1. Ж., 33 года, 1 ребенок, гражданский брак, Старая Русса, июль 2012
2. Ж., 34 года, 2 детей, брак, Старая Русса, июль 2012
3. М., 47 лет, 3 детей, 2-ой брак, Старая Русса, июль 2012
4. Ж., 35 лет, 4 детей, брак, Старая Русса, июль 2012
5. М., 37 лет, 5 детей, брак, Старая Русса, июль 2012
6. Ж., 44 года, 2 детей, брак, Старая Русса, июль 2012

7. Ж., 33 года, 1 ребенок, гражданский брак, Старая Русса, июль 2012
8. М., 38 лет, 4 детей, брак, Балашиха, сентябрь 2012
9. Ж., 19 лет, брак, Москва, ноябрь 2012
10. М., 21 год, брак, Москва, ноябрь 2012
11. Ж., 20 лет, брак, Балашиха, декабрь 2012 – январь 2013
12. М., 24 года, брак, Балашиха, декабрь 2012 – январь 2013
13. Ж., 52 года, 1 ребенок, Балашиха, декабрь 2012 – январь 2013
14. Ж., 30 лет, брак, 3 детей, Балашиха, декабрь 2012 – январь 2013
15. Ж., 43 года, 2 детей, брак/развод, Москва, январь 2013
16. Ж., 24 года, 1 ребенок, брак, Балашиха, февраль 2013
17. М., 27 лет, 1 ребенок, брак, Балашиха, февраль 2013
18. М., 35 лет, 1 ребенок, брак, Москва, март 2013
19. М., 38 лет, 1 ребенок, 2-ой брак, Железнодорожный, апрель 2013
20. Ж., 41 год, 1 ребенок, развод, Москва, апрель 2013